

The background of the entire cover is an abstract collage made of various colored paper scraps. The colors include shades of blue, purple, green, yellow, brown, and white. Some pieces have patterns, like a grid of green dots on a yellow background. The edges of the paper are rough and torn, giving it a textured, handmade appearance.

Елена
Минкина-Тайчер

**ЭФФЕКТ
РЕБИНДЕРА**

роман

Самое время!

Елена Минкина-Тайчер
Эффект Ребиндера

«WebKniga»

2014

Минкина-Тайчер Е. М.

Эффект Ребиндера / Е. М. Минкина-Тайчер —
«WebKniga», 2014 — (Самое время!)

Этот роман – «собрание пестрых глав», где каждая глава названа строкой из Пушкина и являет собой самостоятельный рассказ об одном из героев. А героев в романе немало – одаренный музыкант послевоенного времени, «милый бабник», и невзрачная примерная школьница середины 50-х, в душе которой горят невидимые миру страсти – зависть, ревность, запретная любовь; детдомовский парень, физик-атомщик, сын репрессированного комиссара и деревенская «погорелица», свидетельница ГУЛАГа, и многие, многие другие. Частные истории разрастаются в картину российской истории XX века, но роман не историческое полотно, а скорее многоплановая семейная сага, и чем дальше развивается повествование, тем более сплетаются судьбы героев вокруг загадочной семьи Катениных, потомков «того самого Катенина», друга Пушкина. Роман полон загадок и тайн, страстей и обид, любви и горьких потерь. И все чаще возникает аналогия с узко научным понятием «эффект Ребиндера» – как капля олова ломает гибкую стальную пластинку, так незначительное, на первый взгляд, событие полностью меняет и ломает конкретную человеческую жизнь. «Новеллы, изящно нанизанные, словно бусины на нитку: каждая из них – отдельная повесть, но вдруг один сюжет перетекает в другой, и судьбы героев пересекаются самым неожиданным образом, нитка не рвётся. Всё повествование глубоко мелодично, оно пронизано музыкой – и любовью. Одних любовь балует всю жизнь, другие мучительно борются за неё. Одноклассники и влюблённые, родители и дети, прочное и нерушимое единство людей, основанное не на кровном родстве, а на любви и человеческой доброте, – и нитка сюжета, на которой прибавилось ещё несколько бусин, по-прежнему прочна... Так человеческие отношения выдерживают испытание сталинским временем, «оттепелью» и ханжеством «развитого социализма» с

его пиком – Чернобыльской катастрофой. Нитка не рвётся, едва ли не вопреки закону Ребиндера». Елена Катишонок, лауреат премии «Ясная поляна» и финалист «Русского Букера»

© Минкина-Тайчер Е. М., 2014

© WebKniga, 2014

Содержание

Буря мглою небо кроет...	7
Ее сестра звалась Татьяна	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Елена Минкина-Тайчер

Эффект Ребиндера

Ребиндера эффект – многократное падение прочности твердого тела, облегчение деформации и разрушения вследствие обратимого воздействия среды. Существенную роль играет реальная структура тела...

Большая советская энциклопедия

Низкий поклон поэту, публицисту, математику, профессору Питтсбургского университета Борису Кушнеру за предоставленные стихи.

Автор

© Елена Минкина-Тайчер, 2014

© «Время», 2014

Буря мглою небо кроет...

Нет, слова пришли позже. Сначала только это безумное волшебное сочетание света и звука – звон бегущих клавиш, горячие полосы солнца на подоконнике, россыпь цветов в большой стеклянной банке, бокастая огромная клубника в разводах тающего сахара.

Бабушка играла стремительно и шумно, и маленькому Леве страстно хотелось размахивать руками, кружиться и лететь вслед за убегающим ритмом, но отвлекали сладкие, текущие соком ягоды. Целая гора ягод в огромной расписной тарелке! Можно было брать сколько угодно, запихивать в рот целиком, шумно глотать, захлебываться, облизывать пальцы – увлеченная бабушка не замечала никаких безобразий.

Стояла чудесная пьянящая жара, огромные стрекозы трещали в кружевных складках занавески, соседская девочка прибежала с кувшином молока, да так и застыла в дверях, заслушавшись непривычной музыкой. Ах, что за прелесть эти блестящие лукавые глаза, спутанные белые кудри, руки с тонкими пальчиками, маленькие босые ступни на плетеном коврикe. И звенящая трель в верхних октавах, невозможная бесконечная трель, одни шестнадцатые и тридцать вторые, шестнадцатые и тридцать вторые...

– Бабушка, как я тебя люблю!

– Левушка, ты мое солнышко!

Мягкие руки обнимают и кружат, пушистые седые волосы, большие горячие груди, душный, сладкий и манящий запах увядающих цветов...

– Бабушка, я тебе скажу по секрету, только очень тихо, вот сюда, в ухо. Бабушка, я прямо сейчас хочу жениться!

Лето всегда было чудесной порой. Прерывалась, пусть и временно, другая жизнь, привычная скучная жизнь в замкнутых пространствах – комнате, заставленной скрипучими душными вещами, огромной коммунальной квартире, тоже душной, полной чужих запахов и звуков, каких-то других домах и комнатах, куда они с бабушкой ходили в гости. Даже катание на велосипеде разрешалось только в квартире, в длинном коридоре, который тянулся и изгибался от огромной кухни до жуткого, тяжело пахнущего и вечно занятого туалета. Туалет был отдельным страданием, потому что в тот год мама категорически выбросила горшок. Конечно, такому большому мальчику не пристало ходить на горшок, но мрачный вонючий туалет с голым нечистым унитазом и тоже нечистой облезлой ручкой на длинном шнуре нагоняли непреходящий ужас, и Лева, мучаясь и дрожа от стыда, приспособился писать в ванной комнате, в раковину.

В то лето они с бабушкой, как и прежде, уехали к ее подруге Любочке в теплый молдавский городок, где в стародавние времена, немыслимые древние времена, еще до революции и Гражданской войны, бабушка, которую тогда звали Шулой, вместе со своей Любочкой и еще одной подружкой по имени Нюля ходили в гимназию. Фотография трех сказочных девочек в строгих платьях, передниках и шляпках висела над кроватью, и невозможно было не узнать бабушку из-за их семейного, крупного с горбинкой носа.

Маленький Лева тихо смеялся над нелепыми детскими именами – Нюля, Шула. Еще забавнее казались цветочки и ленты в дряхлом коричневом альбоме, где седая толстая Любочка хранила фотографии. Леве часто вручали этот альбом – «посмотреть картинки», что подразумевало не прыгать и не мешать их бесконечной женской болтовне. С тяжелых негнущихся страниц дружно глядели бородатые старики, дамы в шляпках, бесконечные толстые младенцы, мальчишки в одинаковых костюмах с матросскими воротниками. И опять те же три девочки – сначала совсем маленькие девчонки сидят в ряд на фоне нарисованного пейзажа с облаками, потом на том же фоне, но уже стоят и одинаково улыбаются высокие

старшеклассницы с косами и, наконец, три чудесные девушки в длинных платьях смеются, держась за руки.

На самом деле (Лева тысячу раз слышал эту историю!) и бабушку, и ее сестру называли прекрасными библейскими именами – Шуламит и Лия, как и положено внукам ребе. Не сомневайтесь, повторяла бабушка, в доме чтили и соблюдали религиозные традиции, но все-таки папа, между прочим, родной брат известного просветителя и общественного деятеля, решил дать дочерям светское образование.

Да, да, серьезное светское образование, представьте себе! Сразу по окончании гимназии девушки были отправлены за границу, а именно – в Женевскую консерваторию, для углубленного изучения музыки. Об этом особенно мечтала старшая бабушкина сестра Лия, прекрасная пианистка, страстная поклонница Листа и Шопена. Но в первый же год обучения у знаменитого маэстро случилось ужасное несчастье – Лия переиграла руки и по требованию доктора была вынуждена прекратить занятия на неопределенное время. В отчаянии она принялась целыми днями бродить по морозному городу, подхватила жестокую инфлюэнцу и в три дня скончалась от жара.

Именно так рассказывала бабушка, и Левушке все виделась несчастная Лия, темные горящие глаза, тонкие руки на кружевном покрывале, и хотелось плакать от красивых незнакомых слов – маэстро, инфлюэнца.

В том же несчастном году бабушкин папа, напуганный и убитый горем, настоял, чтобы Шула прекратила профессиональное музыкальное образование и перевелась в Сорбонну на естественный факультет. Помнится, Лева долго не мог понять название факультета, что там могло быть естественного или неестественного, но оказалось, что так называют медицину, биологию и прочие скучные и неприятные науки. После недолгих колебаний бабушка выбрала фармакологию.

– Трудлюбивый и ответственный человек может и должен преуспеть в любой области! – повторяла она в назидание маме и Лева.

– Но разве не жаль души, планов, потраченного времени? – восклицала мама. – Столько лет учиться музыке и все бросить из-за страхов и капризов родителей!

– У родителей не может быть капризов! Умные дети это прекрасно понимают и слушаются старших. А музицировать в домашнем кругу не менее важно, именно так формируется разносторонняя личность и любовь к прекрасному!

Бабушка действительно часто и с упоением играла на их стареньком звучном пианино, у нее была блестящая техника и очень точный звук. А утром, закрутив волосы, она отправлялась в аптеку, где царил идеальный порядок, и сотрудники замирали при одном ее появлении, как солдаты в строю. Так и получилось, что в памяти Левы навсегда остались как бы две разные бабушки – виртуозная пианистка с разметававшимися кудрями и страстным просветленным лицом и строгая заведующая аптекой в белой накрахмаленной шапочке.

С самого Левиного рождения они жили втроем в большой, разгороженной ширмой комнате – мама, бабушка и сам Лева, привычная нормальная семья. Правда, когда-то в комнате жил и Левин папа Боря, мамин муж, бабушка так и называла «твой муж», но он погиб страшно давно, в ноябре 41-го года. Это было особенно обидным, ведь Лева родился в декабре, на целый месяц позже, и значит, они никогда и нигде не могли встретиться с папой, даже случайно, даже если бы война закончилась в том же году. Правда, в бабушкином «твой муж» слышалось не сожаление, а скорее недовольство, так же она говорила про мамину работу корректором в издательстве – «твоя работа», а мама в ответ сердилась и даже плакала. Но и бабушкино ворчание, и мамины слезы казались привычными и нестрашными и обычно заканчивались объятиями. И ему ни разу не пришло в голову задуматься про бабушкиного мужа, то есть мамино папу. Может, его и вовсе никогда не было!

Конечно, многие знакомые ребята и во дворе, и в школе росли без отцов, но все-таки мало кому досталось такое безраздельное женское царство. Бабушка с целым коллективом преданных аптекарш, мама с подружками из издательства, соседки, учительницы, портнихи, молочницы. И на всех – один Левушка, милый кудрявый мальчик в курточке с бантом. Достаточно было прижаться головой к бабушкиной груди, чтобы получить прощение за любую каверзу. Мама больше любила вежливые слова и разговоры, например: «извини, я забыл сказать тебе спасибо», «я понимаю, что поспешил и не подумал», «я случайно ошибся». Соседки обожали мелкие знаки внимания, за какой-нибудь одуванчик, сорванный во дворе за помойкой, могли запросто одарить конфетой, учительниц побеждало раскаяние и признание собственной лени, аптекаршам хватало бабушкиного авторитета и портретного сходства с внуком...

Но всем, абсолютно всем нравилась несмелая мягкая улыбка и взгляд чуть исподлобья, лукавый и застенчивый одновременно. Нет, никакого специального коварства, Левушка действительно обожал бабушку, не хотел огорчать маму, сожалел, правда, недолго, о пропущенных уроках. Если задуматься, нормальные человеческие отношения, без лишних расстройств и обид!

И потом, все они были очаровательны. Эти сплошные округлости, движение бедер, гладкие руки, какие-то пуговички и оборочки. Упоительно было глядеть по утрам, почти не просыпаясь, как мама, высоко подняв подол, натягивает чулок на стройную ногу или бабушка привычно заправляет большие мягкие груди в розовый лифчик. Но еще лучше проснуться рано-рано и сразу перебраться к маме в объятия. Сладкий уютный запах, теплые руки и грудь сквозь тонкую ночную рубашку, мягкие губы...

– Рая, сейчас же прогони этого безобразника из кровати! – кричит бабушка. – Ты окончательно испортишь ребенка!

– Ты его портишь в сто раз больше! До самой свадьбы будешь укачивать и колыбельные петь!

Да, пожалуй, самое раннее воспоминание – не лето, не сладости и даже не настоящие коньки, а эти волшебные бабушкины колыбельные. Нужно только зарыться с головой в одеяло и лежать тихо-тихо, чтобы бабушка не опомнилась и не ушла. Песня плывет и качается, и слова переплетаются, прекрасные, совершенно непонятные слова: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя...».

Хотелось блаженно раскачиваться и дремать-дремать-дремать под привычный ласковый голос: «...наша ветхая лачужка и печальна, и темна, что же ты, моя старушка, приумолкла у окна, спой мне песню, как синица тихо за морем жила...». Всегда хотелось отдельно спросить про синицу, и всегда не успевал, засыпал или улетал куда-то, и только теплые слова доносились издалека: «Буря мглою небо кроет...».

– Рая, Рая, что ты говоришь?! Это же просто чудо! Чудо, что мальчик так музыкален, неужели ты не понимаешь! Посмотри, как он запоминает мелодию! И зачем затевать скандалы на ночь, зачем насильно укладывать и оставлять одного в темноте? Во все века матери пели колыбельные. Это укрепляет психику ребенка.

– Да! И заодно расшатывает психику родителей. Ты балуешь, а мне расхлебывать! Я не готова каждый вечер часами сидеть в темноте и бубнить твои колыбельные. Он же нарочно не засыпает, чтобы послушать! Сама приучила, теперь отменяй все ночные смены и пой!

Конечно, тут не обходилось без вечной женской ревности. Уже взрослым Лева не раз задумывался, почему женщинам так важна собственность или зависимость. Почему нельзя просто радоваться встрече, чудесно проведенному вечеру, касанию рук и губ, этому неповторимому сладостному озарению? Почему не ценить мгновение, простое мгновение любви – без слез, клятв и обещаний?

В первый послевоенный год бабушка завела речь о Левушкином музыкальном образовании. Хотя вернулись раньше, в конце 44-го, но тогда он был еще слишком мал. Про эвакуацию Лева совсем ничего не помнил, много позже нашел серые выцветшие фотографии – пыльная улица, плохо одетые дети на крыльце, он – самый маленький, чуть выше скамейки. Как всегда, не обошлось без ссор, которые по какому-то странному свойству памяти сохранились в голове, как и слова бабушкиных «колыбельных». Кстати, русский романс полюбил на всю жизнь, даже собрал целую серию пластинок в исполнении Козловского и Лемешева. Бабушка была бы счастлива.

– Мама, ты всегда давишь! Всегда-всегда давишь! Почему ты так уверена, что нужно с детства обрекать ребенка на тяжкий труд? Заставлять заниматься по многу часов, пока другие дети гуляют и радуются, и при этом не оставлять другого выбора?! А если он захочет стать инженером или врачом?

– Боже мой, но ведь не у всех такие исключительные данные! Раечка, можно же попробовать, только попробовать, только пойти на экзамены. Его еще не приняли, что ты так беспокоишься?

В том году Центральная музыкальная школа переехала в новое, специально построенное для нее здание с просторными классами и продуманной изоляцией звука. Правда, некоторые учителя и родители сожалели, что пропали уют и очарование старой школы, но Лева не мог судить, конечно.

Или он все-таки начал учиться в старом здании и просто забыл? Что можно требовать от пятилетнего ребенка! Зато он почему-то хорошо помнил экзаменационную комиссию – мужчину и двух женщин за большим столом, все седые и старые, но совершенно не страшные, как бабушкины подружки.

Он совершенно не боится, да и задание очень простое – спеть песню. Песню они с бабушкой выбрали заранее: «Спой нам ветер про дикие горы, – радостно выкрикивает Лева, – про глубокие тайны морей...». Такая веселая музыка, такие красивые слова, у Левушки всегда начинало звенеть в горле, когда он пел эту песню. «...Про синие просторы, про птички разговоры, про смелых и больших людей!» Экзаменаторы дружно улыбаются, одна из женщин, самая старая, садится за пианино и просит повторить сыгранную ноту. Это еще проще, они с бабушкой сто раз дома повторяли. Потом опять что-то играют, стучат и хлопают, все очень легко и весело, и Левушка, окончательно расхрабрившись, поет любимую бабушкину колыбельную «Выпьем, добрая подружка бедной юности моей...».

Да, именно тогда Он встал и подошел! Толстый некрасивый человек, почти лысый, ничего примечательного. Ласково взял в свои руки Левины ладони, осторожно покрутил пальцы, попробовал крепость кисти.

– Друг мой, ты хочешь играть на скрипке?

Конечно, это было страшным везением! С первых шагов обратить на себя внимание великого педагога, подготовившего таких мастеров, как Грач и Безродный! И почему Абрам Ильич оказался на экзамене? Обычно приготовишек прослушивали директриса Мамолли и Вера Николаевна, теоретик. Судьба, стечение обстоятельств?

– Екатерина Ивановна, голубушка, запишите к Анне Яковлевне. Думаю, у молодого человека есть перспективы.

Ну да, Анна Яковлевна, в прошлом ученица Столярского, а теперь ассистентка Ямпольского по работе с малышами. Потом лучшие понемногу переползали в руки самого, хотя официально он считался преподавателем консерватории, а не ЦМШ.

– Обрати внимание, без всякой протекции!.. – бабушка сияет от гордости. – Я же говорила, ребенок абсолютно одаренный – идеальный слух, прекрасные руки! Разве нужно спорить? Хорошо, ты молода и очень занята, я понимаю, но в ближайшие годы я могу помочь. Не так далеко ездить, я отменю вечерние смены. Боже мой, Рачка, не могу поверить, Лия бы умерла от счастья!

– Мама, Лию лучше не вспоминать, по-моему. Тем более она уже умерла один раз из-за вашей ненаглядной музыки. Я и сама вижу, что у ребенка хороший слух, но разве этого достаточно, чтобы решать на всю жизнь? С раннего детства тяжелый труд, никакой свободы. Не могу забыть, как ты меня заставляла учить гаммы, когда девочки бегали во дворе!

– Но почему на всю жизнь?! Он будет параллельно учиться в школе, как другие дети, всегда сможет сделать выбор. Умение трудиться полезно в любой специальности, главное – вовремя понять, чего хочешь от жизни. Ты бросила музыку, а что взамен? Однообразная рутинная работа в кругу сплетниц и старых дев – вот твоя свобода!

Да, они часто ссорились, его главные женщины. Обидно и ненужно тратили время и силы, плакали, неделями не разговаривали. Обычно Лева не вникал, это было частью привычной жизни, как коммунальная кухня или стирка.

Потому что в целом жизнь была прекрасна и упоительна! И полна любви. Все, все говорило и пело о любви – улицы и переулки Бульварного кольца, чудесная особенная школа, мамнины посиделки с подругами, их загадочный смех, запах духов, стихи, горячие пирожки, аккуратно завернутые в вощеную аптекарскую бумагу. И еще отдельно бездумные и прекрасные выходные, походы в театр и в оперу, да-да, именно так – в оперу, нарядный пиджачок и галстук, как у настоящего музыканта, бабушкино длинное платье, кружевная шаль времен незабвенной Лии, лимонад в театральном буфете. И на этом фоне все разрастающийся круг юных красавиц – соседская девочка Нина, пионервожатая Люда, две чудные кокетки с фортепианного отделения, Медея и Тамара, одни имена чего стоили! И таинственная незнакомка в соседнем дворе, совсем взрослая и прекрасная, в туфлях на каблучке, наверное, из восьмого класса, и милая маленькая арфистка Алина, внучка бабушкиной подруги...

Даже ежедневные четыре часа занятий на скрипке (не больше четырех часов – подчеркивал его обожаемый учитель) искупались постоянным вниманием самого учителя и бурными домашними восторгами.

Со второго класса началось общее фортепиано, и тут наступил настоящий бабушкин триумф! Ей, пианистке, было трудно сродниться с хрупкой скрипкой, требующей личного общения и участия. Смычок, купленный за огромные деньги у пожилого скрипичного мастера, вызывал в бабушке какой-то священный ужас, все боялась, что вот сейчас сломается, порвется. Про натягивание струн и настройку вовсе говорить не приходилось! А с фортепиано все было просто и замечательно – определенные ноты на определенных местах, как в ее любимой аптеке, надежный, прочно стоящий инструмент, твердость аккордов и звенящие трели верхних октав. Бабушкины большие полные руки сразу обретали уверенность, и даже совсем малышом Лева не мог налюбоваться на простоту и стремительность ее игры. Он сразу подхватил эту виртуозность и легкость, мгновенно запоминал новые темы, потом страстился подбирать песни военных лет, все время бывшие на слуху. При всей прелести и интимности скрипки с ней не получалось такой свободы, фортепианные аккорды левой руки придавали окраску любой мелодии, скрывали мелкие ошибки и мазню. Кажется, получалось прилично, частые бабушкины гости, в большинстве своем пожилые женщины, дружно умилялись Левиной игре и подпевали, утирая слезы.

Непонятно, как у нее хватало сил, – сидеть рядом все часы занятий, возить внука на бесконечные уроки и одновременно заведовать аптекой, вести дом, готовить еду. Правда, при ЦМШ всегда существовал круг преданных и безумных мамаш, готовых посвятить жизнь

своим гениальным отпрыскам, организовали даже дежурство мам в каникулы и на праздники, но они были моложе, в большинстве своем не работали, имели прислугу. Разве Лева задумывался! Кто из детей задумывается?

Занятия часто проходили в квартире учителя, а не в школе, было привычно и уютно ждать в полутемной комнате, разглядывать бесконечные шкафы с книгами, рисунки в толстых рамах. Илья Абрамович никогда не смотрел на время, мог час работать над одной сложной фразой, всегда показывая на скрипке ученика. Получалось настоящее волшебство – тот же инструмент, те же ноты – но вместо неловких и неровных звуков сказочная совершенная Музыка. Две собственные скрипки учителя ходили среди старших студентов, не имевших достаточно средств на покупку хорошего инструмента. Старшие играли блистательно, каждый в своей манере. Это было главным достоинством Ямпольского – увидеть и выявить индивидуальность ученика, развить, сохранить. Технику добирали с преданными и опытными ассистентами, многие ребята уже участвовали в международных конкурсах, выступали с оркестром. Лева был самым младшим по возрасту, до настоящих концертов еще не допускался, но к десяти годам практически полностью перешел в руки Ильи Абрамовича.

Конечно, он не понимал и не помнил преступного режима, в котором рос. Как и все дети, стремился в пионеры, радостно орал песни о Ленине и Сталине, даже один год стал запевалой в школьном хоре. Песни, надо отдать должное, были очень мелодичными и красивыми и часто создавались настоящими хорошими композиторами. Только взрослым задумался и ужаснулся этому коллективному бреду:

Ленин – это весны цветенье,
Ленин – это победы клич...

Даже смерть и похороны Сталина почти не отложились в памяти, наверное потому, что в их школе была особая атмосфера достоинства. Гораздо позже пытался вспомнить реакцию бабушки или мамы, был уверен, что бабушка не рыдала, как все соседки, и не сожалела об умершем «отце народов», но скорее принимал желаемое за действительное.

Вот с «делом врачей» четко помнился один эпизод – у них в комнате сидит незнакомая красиво одетая женщина и тихо отчаянно плачет, а бабушка, такая всегда говорунья, молчит и только раздраженно передвигает чашки на столе. В тот же вечер она рассказывает маме, еще больше раздражаясь и почти переходя на крик:

– Кандидат наук, прекрасный невропатолог, вдова боевого офицера, две дочери-школьницы! Нет, ты мне скажи, как ей теперь жить, как кормить детей?! И сколько это может продолжаться?!

И мама только испуганно шепчет без всякой связи:

– Тихо, тихо, не нужно при ребенке. Разъяснится, вот увидишь, все разъяснится. Марк говорит, что не нужно отчаиваться.

Странно, как он хорошо запомнил тогда Асю Наумовну, мало ли женщин приходило в их дом, мало ли женщин плакало в ту пору.

Да, к тому времени в их жизни появился Марк, будущий мамин муж. Вполне нормальный человек, военный, с орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Но невозможно было поверить, что маме нравится этот толстый и почти лысый дядька, что она может гулять с ним, ходить в кино и в гости, праздновать Новый год.

Лева вдруг стал думать про погибшего отца, пытался представить, как они идут вместе на футбол или хоккей, хотя сам Левушка, воспитанный женщинами, всегда оставался равнодушен к спорту. Однажды он вытащил из семейного альбома довоенную фотографию молодых родителей и демонстративно поставил на пианино.

Но мама и бабушка ничего не замечали или старались не замечать. Марк появлялся все чаще, и однажды, вернувшись из школы, Лева застал полную драматизма сцену: мама рыдала, уткнувшись в подушку, а бабушка, бледная, с горящими щеками (наверняка у нее уже тогда была гипертония), ходила по комнате, скрестив на груди руки и монотонно повторяла:

– Ты не можешь так поступить! Нет, ты не можешь так поступить! Я все понимаю, ты заслуживаешь счастья и нормальной жизни, ты молодая и должна думать о себе. Но я не позволю ломать судьбу ребенка! Рая, ты слышишь? Можешь меня ненавидеть, но я не позволю!

Наверное, слова были иные, женщины вообще употребляют слишком много слов, но смысл оставался прежним – Марка переводили на работу в Хабаровск, и он звал с собой маму.

– Марк серьезный и порядочный человек! И он любит меня! Все говорят, что в такое ужасное время военному человеку, да еще еврею, лучше держаться подальше от центра. Ему предлагают очень ответственный пост, как ты не понимаешь?!

– Я вижу, что он порядочный человек. Кто спорит? И ты можешь ехать, ты просто обязана ехать! Но зачем увозить ребенка?! Что он будет делать в вашей глуши? Неужели ты думаешь, что я не справлюсь?

Бедные-бедные его женщины, они, как всегда, не хотели слышать друг друга, Лева, как всегда, разрывался от любви к обеим, но на этот раз бабушка была абсолютно права – ни в какой Хабаровск он ехать не собирался! Бросить школу, музыку, Москву, товарищей, наконец, арфистку Алинку, с которой уже два раза целовались после занятий? И все ради лысого Марка с его ответственной работой?! Правда, от мысли, что придется разлучиться с мамой, появлялась тошнота и какая-то тоска в животе, и больше всего хотелось прогнать к чертовой матери этого чужого ненужного человека со всеми его орденами и медалями. Но что Лева мог поделать?

Сколько ей было лет? Уже больше шестидесяти, это точно, шестидесятилетие отмечали с мамой, пришли сотрудницы издательства, Лева хорошо помнил. Наверное, ужасно страшно и тоскливо в такие годы разлучаться с единственной дочерью, оставаться одной в жестоком огромном городе да еще отвечать за капризного мальчишку, привыкшего к баловству и вниманию. Не жаловалась, никогда не жаловалась даже подругам, всегда была уверенной и бодрой, до абсурда аккуратной, в строгой блузке с брошью и неизменной вязаной шали.

И ее ненаглядный глупый Левушка вскоре поверил, что все нормально, что жизнь по-прежнему прекрасна и полна радостей и сюрпризов. Тем более начался новый этап в учебе, первый концерт с оркестром, первые настоящие удачи без умилений и скидок на возраст. К тому же фортепиано, казавшееся прекрасной игрушкой, вдруг открыло новый пусть к покорению женских сердец, потому что даже самые музыкальные и избалованные девчонки не могли устоять перед калейдоскопом модных песенок, которые Лева мастерски подбирал на слух. Сам он влюблялся стремительно и страстно, но совершенно не понимал, почему нужно дружить только с Машей, если существуют еще Даши, Марьяши, Наташи и другие чудесные создания с романтическими длинными косами или озорными короткими стрижками. Выбор был таким же невозможным и ненужным, как между мамой и бабушкой, скрипкой и роялем, зимой и весной.

Новый 1956 год начинался просто прекрасно. Во-первых, мама родила девочку. Правда, впервые узнав о маминой беременности и предстоящих родах, Лева, несмотря на исполнившиеся четырнадцать лет, страшно мучительно заревновал, представил себя навсегда забытым и ненужным, но бабушка так безудержно ослепительно радовалась, что и ему

передалось это праздничное настроение и ожидание чуда. Тем более на все летние каникулы они собирались в незнакомый, но уже не чужой Хабаровск, деньги на билет давно были отложены, и бабушка договорилась с педагогами о составлении личной программы занятий.

Нетерпению Левы не было границ – очень хотелось увидеть маму после двух лет разлуки. И потом предстояло настоящее далекое путешествие, неделю на поезде, в незнакомый город на великой реке Амур. Он уже давно прочел в энциклопедии и про Амур, и про Хабаровск, к тому же мама каждую неделю присылала длинные подробные письма обо всем подряд – местной природе, новой работе, знакомых, концертах в филармонии. Отдельно описывала маленькую дочку, совершенно замечательную, которую называли Лилей якобы в память о бабушкиной сестре, хотя Лева не видел никакой связи и ему совсем не нравилось это слащавое имя. Надо отдать должное, у него хватало ума не выступать, тем более бабушка просто умирала от умиления и целыми вечерами вязала какие-то крошечные носочки и шапки для их замечательной Лили.

Но еще предстояла весна, гастроли гениального иностранного скрипача Исаака Стерна, что занимало Леву и его друзей по классу скрипки гораздо больше, чем прошедший недавно XX съезд партии. И хотя в воздухе повисли всевозможные и невероятные слухи, и хотя бабушка с подругами напряженно шепталась по вечерам, непрерывно повторяя имена Хрущева и Сталина, выступление Стерна затмило все! Потому что именно тогда любимый и единственный Учитель воскликнул, обращаясь к нему, только к нему одному:

– Потрясающе, просто потрясающе! Вот так ты будешь играть! Твоя манера и легкость, я давно чувствовал! Техника наберется, это многие могут, а с легкостью нужно родиться. Начинаем работать, мой мальчик, начинаем работать по-настоящему!

Они умерли с разницей в одну неделю. В светлые теплые июньские дни 1956 года – сначала бабушка, потом Ямпольский. Одновременно покинули его, не предупредив и не объяснив, как нужно жить одному в жестоком огромном и пустом мире. В том же месяце Лева последний раз в жизни посетил ЦМШ. Всего на пятнадцать минут, именно столько потребовалось, чтобы написать заявление об уходе и забрать документы.

Ее сестра звалась Татьяна

Конечно, Таня не была ей сестрой! Просто очень-очень близкой и хорошей подругой. А это, может быть, важнее, чем сестра – ни обязанностей, ни случайных совпадений, а только настоящее взаимное понимание и доверие. Они сразу подружились, две испуганные первоклашки – Оля Попова и Таня Левина, и все годы сидели за одной партой, пока не объединили с мужской школой. Как раз в восьмом классе и объединили, Оля точно помнила, потому что они проходили по литературе Евгения Онегина. И пересадили всех тогда же. Зачем? Педагогический прием для успешного слияния коллективов? Лишние неудобства и огорчения!

Мальчишки, конечно, не могли пропустить такое замечательное совпадение – Ольга и Татьяна, все время неразлучны, обе – отличницы. Мальчишкам немного нужно для тупого ржания. Но им было мало имени, Олина фамилия на фоне пушкинской «Сказки о попе и о работнике его Балде» служили для этих придурков отдельным вдохновением. Поповна-Балда, вот как ее звали в классе.

Все, все было мучительно и невыносимо – жестокое прозвище, ранящие пушкинские слова, собственная беспомощность. Таня, ее милая подружка Танечка, действительно походила на Татьяну Ларину – темная коса, молчунья, мечтательница. Но Ольга! Конечно, мальчишки ржали. С ее ростом и размером ноги! Даже учитель физкультуры был ниже. Все время хотелось втянуть голову в плечи, ненавидела глядеться в зеркало, ни разу не примерила туфли на каблуках.

Маме нравились простые русские имена – Ольга, Владимир. Бедная мамочка, она всегда хотела как лучше. Наверное, выбирая имя, она представляла хорошенькую маленькую дочку в кудряшках и передничках, а не тощую длинную Поповну-Балду. Еще обиднее, что братишка Володька рос настоящим красавчиком – с густой светлой шевелюрой и яркосиними мамиными глазами. Везет дуракам! Как будто нужны такие глаза, чтобы гонять мяч на пустыре и валяться с детективами. А Оле достались отцовские, тускло-серые, почти без ресниц. И волосы тоже серые, прямые, как солома. Приходилось туго заплетать косы, чтобы не свисали унылые пряди. Мама самоотверженно делала вид, что не замечает Ольгиной некрасивости – «главное – душа!». Конечно, как у чеховских героинь: душа и мечты о прекрасном завтрашнем дне. И все как одна были несчастными и одинокими!

Хорошо, хоть Тане досталась простая фамилия, к ней мало приставали. Таня вообще была чудесная, с ней все дружили, и все было легко – учиться, гулять, мечтать, не обращать внимания на обидчиков. Если Таня заболела и не приходила в школу, Оля просто слонялась одна по коридору и даже не хотела ни с кем разговаривать. Нет, Тане тоже пытались приделывать прозвище – «Лёва, тебя к доске, Лёва, дай списать физику», но она совсем не обращала внимания.

Разве можно было даже подумать в те времена про Левку Краснопольского?! Роковое совпадение? Вот еще глупости!

Да, Таня не обращала внимания и правильно делала, фамилии – вечная тема для школьных издевательств! Например, Светку Баранову почему-то звали Козой, а Надю Михайлову – Мишаней. Короче, зря Оля так мучилась, всех дразнили, ничего особенного.

Всех, но не Киру.

Когда заполняли новый журнал и классная запнулась на ее фамилии, Кира встала и тихо, отчетливо произнесла: Кира Андреевна Катенина-Горячева. И даже самые заядлые насмешники замолчали, потому что у Пушкина было известное всему классу стихотворение:

Кто мне пришлет ее портрет,
Черты волшебницы прекрасной...

И весь класс знал, что в стихотворении стоит посвящение: «Катенину. 1821 год», и это был Кирин предок, кажется, родной брат ее прадеда.

Вот так все совпало – объединение школ, «Евгений Онегин», собственное взросление. Они часами бродили с Таней по старинным московским улицам, знакомые с детства названия вдруг обретали новое загадочное значение – Арбат, Сивцев Вражек, Плющиха, Неопалимовский переулок. Казалось, сам город манит и обещает какую-то новую прекрасную жизнь, они наперебой читали стихи, мечтали о настоящей единственной любви. Как у Симонова:

Не понять не ждавшим им,
как среди огня
ожиданием своим
ты спасла меня...

Тогда многие девочки увлекались стихами Щипачева «Любовь не вздохи на скамейке и не прогулки при луне», но Таня под глубоким секретом призналась Оле, что ей совсем не нравится Щипачев и что она, стыдно признаться, мечтает именно о прогулках при луне. Да, гулять при луне, держать за руку любимого единственного человека, слушать, как шепчутся цветы и нежно поет соловей. Пусть это мещанство, но даже Пушкин писал о розах и соловьях.

Оле мучительно хотелось крикнуть: «А как же я?! Разве мы не будем гулять вместе?». Но не хватало показаться глупой и смешной.

В том году в классе началось страстное увлечение Пушкиным. Будто благодаря Кире и ее знаменитому предку тоненькая ниточка протянулась от великого далекого поэта лично к ним, ученикам восьмого класса простой московской школы. Все девочки на спор учили отрывки из Евгения Онегина – кто больше запомнит, Оля, например, помнила подряд почти четыре главы, с начала и до «поклонник славы и свободы...», а Таня – две, но самые неожиданные и сложные – «кого любить, кому же верить, кто не изменит нам один...».

Вообще оказалось, что у Пушкина на любую тему можно найти подходящий стих или хотя бы строчку, у них в школе даже одно время появилась привычка вовсе не говорить своими словами, а только пушкинскими фразами. Например, Светка Баранова поет на школьном вечере, а кто-то из зала громко шепчет: «То как зверь она завоет, то заплачет как дитя!». А когда их классная руководительница Нина Васильевна стала хвалить отличника Козырева за сочинение, даже тупой Бутенко вдруг выпалил: «Его пример другим наука; но, боже мой, какая скука!». И сразу посмотрел на Киру – оценила ли она его остроумие.

Вот именно. Это было самое обидное! Все всегда смотрели на Киру.

Только подумать, как ждали объединения школ, и какое их постигло разочарование! В класс явилось пятнадцать кривляк и болтунов, почти все на голову ниже девчонок, дружить с ними не было никакого интереса. А как сердились учителя! Вернее, учительницы. Нина Васильевна даже не пыталась скрыть раздражения, только и слышалось:

– Левина! Надеюсь, мой вопрос не слишком отвлекает тебя от общения с Петровым? Он ведь лучше знает тему, зачем слушать преподавателя!

– Бутенко, я понимаю, что тебя интересует только новая прическа Горячевой, но, может быть, все-таки сделаешь одолжение и повернешься к доске?

Конечно, раздельное обучение очень устраивало Нину Васильевну да и многих других учителей – ни страстей, ни романов, только труд на благо общества! Тридцать душ послушных положительных учениц. Или, точнее сказать, наивных дур. Однажды они вместе со

Светкой Барановой готовились к экзамену по литературе, перечитывали про Печорина, и вдруг Таня спросила:

– А почему Белла не забеременела от Печорина? Или у них не было отношений и она оставалась девственницей?

Оля почувствовала, что краснеет, как вареный рак, потому что ее давно мучил вопрос именно на эту ужасную тему. Не маму же спрашивать и не учительницу в школе!

– А как вообще можно узнать, девственница или нет? Как Печорин мог это узнать?

И было им обеим, между прочим, по пятнадцать лет!

Светка Баранова тогда просто рухнула на кровать и стала трястись, как больная. Они с Таней даже испугались.

– Вы что... девочки, миленькие... вы на самом деле не знаете?!

Светка, конечно, знала. И быстренько им объяснила про девственную плеву и прочее. А заодно про то, что беременности можно избежать, причем существуют разные способы. Но как было соотнести это знание с образом лишнего человека в русской литературе?

Почему от юности осталось такое ощущение скудности и неловкости? Ведь все были примерно одинаково одеты, все неважно питались, все жили в коммунальных квартирах?

Все, но не Кира! Любые спортивные тапочки на ее ногах напоминали красивые туфли, а короткая стрижка казалась роскошнее Таниной прекрасной косы. Как ей это удавалось? Даже недавно введенную школьную форму, глухое коричневое платье с черным фартуком, Кира носила не так, как все девочки – она не пришивала белый воротничок и манжеты, а поддевала под платье тоненькую светлую блузку с отложным воротником. Причем каждый день блузка была другого оттенка – то розовая, то кремовая, то совсем белая!

Боже, какая у них была глупая и неудобная форма! Каждый день одно и то же школьное платье, под мышками вечно выступали отвратительные серые полукружья. Но кто мог достать блузку, как у Киры! Уж не говоря про дезодоранты, слова такого не слышали. Правда, вскоре появились в продаже «подмышники» – тканевые прокладки, которые пришивали изнутри на несколько дней, а потом отпарывали и стирали отдельно. Вечная канитель и неудобство!

Все, все было стыдно, неудобно, неловко – пуговицы лифчика, выпирающие на спине из-под любой одежды, длинные зимние рейтузы, пояс с резинками. И этот вечный страх, что чулок расстегнется и начнет сползать на глазах у мальчишек! Хорошо, если другие девочки оказывались рядом и могли загородить спинами. А какое мучение каждый месяц с поисками ваты, с ужасом оттого, что протечет на платье. И еще ужаснее – насмешливый взгляд учителя физкультуры, когда приходилось в эти дни отпрашиваться с урока.

Но Кира, казалось, живет в другом прекрасном мире, без малейших проблем и неудобств. И платье у нее было другое – не купленное в «Детском мире», а сшитое на заказ, французское. И блузки были французские, и прическа. Не то чтобы они умели отличать, например, от немецких или английских, просто в Кирином доме все было французское.

После возвращения из эвакуации Олины родители получили совсем небольшую комнату в доме барачного типа с длинным темным коридором и без ванной, только кран с холодной водой на общей кухне. Где там было каждый день менять блузки, когда мылись в лучшем случае один раз в неделю – ездили с мамой на трамвае в районную баню. В комнате даже не хватало места для второй кровати, и Оля до семнадцати лет спала на раскладушке. А после рождения брата и уроки стало негде готовить, потому что этот пискун не засыпал при свете.

К счастью, Таня жила в большой прекрасной комнате с тремя окнами и множеством замечательных удобных вещей. Кроме широкого обеденного стола, где девочки свободно раскладывали учебники и тетради, там помещались еще тумбочки, кровать, уютная кушетка, резной буфет, две этажерки с книгами и даже швейная машинка «зингер» с отдельным сто-

ликом и полочкой для рукоделья. Главное, никто не мешал, и они никому не мешали, потому что Танина мама заведовала неврологическим отделением и час-то оставалась ночевать в больнице, а старшая сестра Люся занималась в институтской библиотеке. Конечно, у Тани тоже были соседи, но в основном одинокие старики и старухи, почти незаметные и неслышные в огромной, с высокими гулками потолками квартире. Оля долгое время даже считала, что лучшего жилья, чем Танина комната, просто не существует. Пока не попала в дом к Кире.

Нет, это было очень хорошее время. И как хорошо им жилось вдвоем! Читали, делали уроки, болтали, жарили картошку. Иногда к вечеру появлялась Люся со своим женихом Зямкой, становилось весело, но все-таки равновесие нарушалось, потому что сестра и Зямка вечно спорили и обсуждали малопонятные темы или вдруг принимались целоваться. Тогда приходилось, деликатно отводя глаза, сматывать на улицу и мерзнуть в подъезде до Зямкиного ухода. Но вскоре Людмила и Зямка поженились, уехали в Сокольники к тетке, и наступило настоящее раздолье!

Даже Кира часто к ним заходила.

Стыдно вспомнить, как они обе радовались и заискивали – начинали наперебой остеречь, высмеивали мальчишек, вспоминали анекдоты про учителей. Кира почти всегда молчала, хотя и улыбалась приветливо. Нет! Все равно не возникало той теплоты и душевной открытости, что бывает при настоящей дружбе. Потому что ни на минуту не получалось забыть, что Кира из другой, красивой и недоступной жизни. Но зачем-то же она приходила?

Иногда Кира приглашала заниматься к себе домой – подготовиться к диктанту или повторить физику. Сразу было видно, что приглашает неуверенно и неохотно. И тут же начинает оправдываться:

– Бабушка немного странная. Это после войны. Она добрая, но боится незнакомых людей. А мама устает на работе, ей трудно много разговаривать.

Но они не слушали, они уже заранее были согласны! Ах, как они ждали этого приглашения, как торопливо, стараясь не смотреть друг на друга, одевались, записывали в сумку всеми ненавистный учебник физики.

Кирина бабушка действительно была странной, но как-то очаровательно странной. Например, она всегда одевалась в кружевные блузки и длинные строгие юбки, как на концерте классической музыки, даже если чистила картошку или мыла посуду. Кроме того, она красила волосы в голубой цвет, постоянно извинялась и благодарила, ко всем обращалась на вы, смертельно боялась почтальонов и дворников и говорила с Кирой исключительно по-французски! То есть полностью соответствовала чудесному дому, который на всю жизнь запомнился Ольге как образец другой чудесной жизни.

Это была совершенно отдельная квартира, принадлежащая одной семье – просторные комнаты с высокими лепными потолками, темная полированная вешалка в прихожей, кухня с занавесками, огромная ванная, туалет. Стыдно признаться, но особенно поражал туалет, застеленный полосатым ковриком, со смешной картинкой на двери и полукруглой красивой полочкой. На полочке вместо нарезанной газетной бумаги, как у всех людей, лежала пачка белоснежных бумажных салфеток. Салфетки продавались в магазине и были вполне доступны, но никому из знакомых и соседей не приходило в голову использовать их таким странным образом. Во всех знакомых Оле квартирах кухня, коридор и ванная с туалетом назывались длинно и скучно – «места общего пользования». И всем было понятно, что на «общие» окна не вешают занавесок, так же как не надевают абажур на общественные лампы в коридоре. И раньше Оле никогда не мешали подобные глупости, просто не приходили в голову!

Комнаты Кириной квартиры наполняли такие же замечательные и ненужные вещи, как кружевная блузка на кухне. Вещи немного напоминали музей, но в том-то и дело, что это был

не музей, а жилой дом, где спят, умываются, пьют чай. Особенно девочек привлекало тяжелое тройное зеркало в темной раме – они потихоньку крутили боковые створки, разглядывали собственные спины и затылки, расправляли складки на юбках, это было замечательно удобно! Всю заднюю стену главной комнаты занимал резной буфет с целой выставкой фарфоровых куколок и тонких, почти прозрачных чашек, расписанных мелкими птицами, причем на каждой чашке птицы были разными, а если заглянуть на доньшко, то виднелась крошечная нарисованная муха. В углу стоял письменный стол, тоже резной, с крышкой из зеленого сукна, а на столе бронзовые часы в виде композиции – обнаженный мускулистый человек борется с огромным орлом. В книжном шкафу, за створками с золотыми полосками виднелись тяжелые бархатные альбомы, в нише над кроватью бабушки – целая галерея овальных фарфоровых тарелочек с пейзажами и пастушками. Словом, это был сказочно красивый дом, где казалось немыслимым жить, как в Третьяковской галерее.

Кирина бабушка разрешала брать фотоальбомы и книги с видами Парижа. Девочки усаживались на диван и бережно, почти не дыша, листали тяжелые твердые страницы, сложенные папиросной бумагой, – Триумфальная арка, Эйфелева башня, площадь Согласия. Но больше всего привлекали не площади и дворцы со скульптурами, а люди – почти все в очень красивых довоенных нарядах. Каждый раз они с упоением рассматривали уже знакомые фотографии: тоненькая девушка-невеста под руку с красивым «месье», изящная дама в шляпке, три маленькие девочки на крыльце на фоне нарисованного пейзажа, потом они же в гимназических платьях с длинными косами, потом они же совсем взрослые в длинных юбках, смеются, взявшись за руки. Дальше шли семейные портреты дома Катениных, какие-то господа в старинных сюртуках, мальчики в матросках, никто точно не знал, чьи это тети и дедушки. Зато и невестой, и дамой, и одной из трех девочек-гимназисток оказалась Кирина бабушка! И снимались маленькие гимназистки не в Париже, а в российском южном городке. Кто бы мог догадаться!

На отдельной странице помещалась большая красивая фотография – две нарядные девушки-подростки в клетчатых платьях и длинных светлых шарфах. Тут уж не перепутаешь, сразу видно, что за граница. Внизу под фотографией стояла четкая надпись: «Kira/Lera. Май 1932».

Понятно, что Лерой, младшей из загадочных прекрасных девочек, была Кирина мама, Валерия Дмитриевна. Но кто эта другая взрослая и очаровательная Кира? Пропавшая сестра, тетя, подруга? Наверняка их Киру называли в ее честь!

Однажды Таня решила спросить бабушку, обычно приветливую и говорливую, но та вдруг жутко испугалась, расплакалась и отобрала альбом. Помнится, Кира долго утешала Таню, уверяла, что бабушка давно такая странная и пугливая, но когда девочки в следующий раз открыли фотографии, этого снимка уже не было.

Но все чудесные вещи, и зеркало, и орел-часы, и разрисованные чашки и даже альбомы были не главными! Главными в доме, конечно, являлись два больших портрета в одинаковых красивых рамах – старомодный мужчина с бородкой и бантом вместо галстука и коротко стриженный очень молодой человек в гимнастерке. Девочки уже давно знали, что на одном изображен Кирин дедушка, великий ученый и врач, Дмитрий Иванович Катенин, да-да, потомок того самого Катенина, а на другом – Кирин папа Андрей Горячев, Герой Советского Союза.

Вот это было самым удивительным и замечательным! Французский профессор и русский дворянин, выпускник Сорбонны, знаменитый ученый Катенин! Конечно, он решил вернуться на Родину, потому что многие годы изучал страшные заразные болезни и лучше всех знал, как с ними бороться. Кирин дедушка приехал в Москву в 36-м году вместе с женой и дочкой Лерой, но даже не увидел новой квартиры, а сразу отправился в Среднюю Азию на эпидемию брюшного тифа. Именно благодаря профессору Катенину девочки сегодня про-

сто не могут представить, что такое тиф, а ведь Олина мама рассказывала, что почти все ее родные погибли от этой ужасной болезни. И сам профессор тоже не смог уберечься – заразился и умер прямо там, в Средней Азии. Но успел спасти многих и многих людей!

Еще романтичнее оказалась история про юного героя Андрюшу Горячева. Отважный комсомолец, настоящий друг, лучший ученик в классе, Андрей первым поспешил на помощь растерянной французской девочке Лере Катениной, приехавшей к ним в школу прямо из Парижа. Потому что она почти не знала русского языка, ничего не понимала, нуждалась в защите и поддержке после смерти отца. И, конечно, они безумно полюбили друг друга. И поженились сразу после окончания школы! Через год у них родилась дочка Кира, а еще через год Андрюша, как всегда первым, шагнул со связкой гранат под поезд, везущий важного немецкого генерала.

Иногда в доме появлялась сама Лера, то есть Кирина мама Валерия Дмитриевна, чудесная красавица, похожая на киноактрису из зарубежных фильмов. Она здоровалась очень приветливо, но почти никогда не вступала в разговор, не спрашивала про уроки или отметки, только легонько целовала Киру и сразу уходила к себе в комнату. Было смертельно интересно, кто она и чем занимается, но Кира не рассказывала, а сами девочки почему-то не решались спросить. Наконец однажды, в особенно дождливый осенний день, удалось разговаривать Кирину бабушку. Оказалось, прекрасная француженка Лера Катенина решила пойти по стопам отца и тоже бороться с инфекциями, она защитила диссертацию и работает на кафедре эпидемиологии Московского университета. Конечно, за Лерочкой постоянно ухаживают и коллеги, и другие знакомые мужчины, а один известный дирижер даже сделал предложение, но она всем отказывает, потому что не может забыть Андрюшу. Правда, на этом, самом интересном месте Кира громко шикнула на бабушку и велела не рассказывать сказки, но все равно осталось ощущение грустного и прекрасного, как от картины «Незнакомка».

Завидовала ли Ольга Кире? Нет, скорее мучилась от смешанного чувства восхищения и обиды, но даже Тане она бы никогда в этом не призналась.

Олины родители всегда были тихими и пожилыми, войну провели в эвакуации со своим заводом, комнату тоже получили от завода, праздники проводили в заводском доме культуры. Самой ценной вещью в доме считался чайный сервиз, полученный мамой от заводского профсоюза по случаю рождения сына. Оля тогда жутко стеснялась маминой поздней беременности, она уже слышала во дворе, как появляются дети, сама мысль, что родители могут этим заниматься, казалась ужасной и стыдной. Маленький Володька рос забавным, как все малыши, но ужасно мешал в доме и все время пытался добраться до Олиного школьного портфеля. Портфель его просто завораживал, больше любой игрушки, и в один несчастный день, когда Оля на минутку вышла в коридор, братец ухитрился открыть замок и вылить в открытое отделение полную чернильницу. После этого случая Ольга окончательно перебралась к Тане и домой приходила только ночевать.

Как хорошо они дружили с Таней до появления Киры! И как несправедливо в один день нарушилась жизнь.

Жуткую весть принесла вездесущая Коза, Светка Баранова – Танину маму Асю Наумовну Левину уволили из больницы по подозрению во вредительстве.

Конечно, Оля давно знала и понимала, что у первой в мире Советской страны есть много завистников и врагов. Еще в младших классах читали Гайдара и плакали с Таней над «Судьбой барабанщика». Хорошо, что шпионов поймали в конце концов и отца барабанщика освободили! А маленький Алька из «Военной тайны» погиб, ужасно и несправедливо погиб, как и чудесный Мальчиш-Кибальчиш. Но если бы только в книжках! На уроках исто-

рии рассказывали о настоящей большой группе врагов народа, разоблаченной перед войной. Кажется, в нее входили даже крупные военные и члены правительства!

И вот теперь новая ужасная весть – врачи-вредители покушаются на жизнь самого Сталина! Сталина, который выиграл смертельную войну и спас все человечество от фашизма! Слава богу, что их сразу распознали и арестовали, иначе и не могло быть, но как попала в число врагов Танина мама? Неужели она нарочно вредит больным и неправильно их лечит? Какая глупость! Может быть, ее запугали, обманули? А Танин папа? Хирург Михаил Аркадьевич Левин, погибший под Сталинградом. Он тоже был вредителем?! А вдруг он не погиб, а сдался в плен, как отец Витьки Гусева, и вот теперь Танина мама вынуждена участвовать в заговоре, чтобы скрыть его страшное предательство?

Оля никогда не забудет тот ужасный день. Папа вдруг позвал ее погулять. Ее одну, без мамы и Володьки. Колочий снег резал щеки, они шли вдоль темной пустой улицы в сторону такого же пустого неуютного сквера, и папа чужим тусклым голосом говорил, что он ничего не имеет против евреев вообще и Таниной мамы в частности и что он допускает возможность недоразумения, но категорически просит, нет, настаивает, чтобы Оля перестала ходить к Левиным! И она должна немедленно, завтра же пересесть за другую парту! Например, в их классе есть дочь Героя Советского Союза, почему бы не подружиться с этой девочкой, а не с еврейкой из сомнительной семьи? Ольгу чуть не вырвало от отчаяния, она пыталась спорить и плакать, но отец оставался непреклонен: его дочь пионерка и не должна обсуждать решения правительства, если Танину мать уволили с работы, значит, для этого были основания!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.